

Владислав **КРАПИВИН**

БАРКЕНТИНА С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ

Владислав Петрович Крапивин

Баркентина с именем звезды

Серия «Летящие сказки», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153317

*Крапивин В. Баркентина с именем звезды: Пермское книжное
издательство; Пермь; 1972*

Аннотация

«Жил-был Мальчик. Очень обыкновенный. Светлоглазый и чуть веснушчатый. Он жил в новом городе, в новом доме и ходил в новую школу.

В комнате Мальчика на стене висела синяя Карта Всех Морей и Океанов. А на письменном столике, рядом с пластмассовым стаканом для карандашей, стоял кораблик из коричневой сосновой коры, с бумажными парусами...»

Содержание

Дамба	4
Удивительный Чип	13
Считалка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владислав Крапивин

Баркентина с именем ЗВЕЗДЫ

Баркентина, или ихуна-барк, – большое морское парусное судно, имеющее не менее трех мачт... Фок-мачта всегда вооружена только прямыми парусами, все остальные мачты – сухие, т. е. несут лишь косые паруса.

Краткий морской словарь для юношества

– А все же этот парень держит судно в руках, – сказал самый старший матрос...

Ф. Купер. «Красный корсар».

Дамба

Жил-был Мальчик. Очень обыкновенный. Светлоглазый и чуть веснушчатый. Он жил в новом городе, в новом доме и ходил в новую школу.

В комнате Мальчика на стене висела синяя Карта Всех Морей и Океанов. А на письменном столике, рядом с пластмассовым стаканом для карандашей, стоял кораблик из коричневой сосновой коры, с бумажными парусами.

Отец и мать были довольны картой. Считали, что она по-

могает Мальчику лучше изучать Природоведение. А на кораблик они не обращали внимания.

Потом родители Мальчика переехали в другой город. И Мальчик, разумеется, переехал. Карту он привез с собой, а кораблик сломался по дороге, и его незаметно выбросили.

Город, где они стали жить, был совсем особенный. Он был старинный. Там встречались такие узкие улицы, что Мальчик даже без разбега перепрыгивал с тротуара на тротуар. С домов смотрели на прохожих каменные львиные морды, а у тяжелых ворот поскрипывали на ветру железные фонари.

А у маленькой кирпичной крепости лежали вросшие в землю чугунные пушки.

Узкие улицы разбегались от крепости и выходили к Широкой реке. Там у причалов стояли суда. Рыбачьи – с растянутыми для просушки сетями, грузовые – с черными бортами, белыми надстройками и разноцветными трубами, пассажирские – совсем белые. Плескались флаги и бегали неутомимые буксиры.

Корабли приходили с моря. Море лежало в нескольких милях от города. Его не было видно, и все-таки оно чувствовалось за треугольными крышами и высокими острыми башнями.

На крышах и башнях стояли флюгера. Это были узорчатые флаги, рыцари на конях, трубачи, парусные корабли и крылатые звери. Под некоторыми флюгерами находились пе-

рекращенные стрелы – они смотрели в четыре стороны.

Когда начинался ветер, всадники, корабли, трубачи и звери со скрежетом поворачивались ему навстречу, а стрелы оставались неподвижными. На их наконечниках чернели жестяные буквы N, S, W, O. Мальчик понимал, что они означают страны света: норд, зюйд, вест и ост. Это были морские названия. Моряки не говорят: "Дует ветер с северо-запада". Они говорят: "Дует норд-вест".

Норд-весты дули чаще других ветров. Они приносили влажную прохладу, серые облака и запах водорослей. Взрослые ворчали и обижались на сырую погоду. Мальчик не обижался. В ветре было Дыхание Атлантики.

– Папа, – сказал Мальчик за ужином, – дай мне рубль и пятьдесят копеек... пожалуйста. Я куплю словарь.

– Что за сумасшедшие цены! – сказала мама. – Я спрошу в школе, почему такие дорогие учебники.

– Это не учебник, – сказал Мальчик и стал качать ногой под столом. – Это так... Морской словарь.

– Не болтай ногами, – велела мама. – Что еще за новости – морской словарь? Ты бы лучше вспомнил, что через месяц в школу, а у тебя нет "Английского языка".

Днем у нее на работе были Неприятности, а сейчас Плохое Настроение.

– Зачем же тебе морской словарь? – спросил отец.

– Так просто... – неловко ответил Мальчик, но тут же по-

думал, что лучше отвечать прямо. — Я буду моряком дальнего плавания.

— Не царапай вилкой скатерть, — сказала мама. — Моряком дальнего плавания! Этого еще не хватало.

— Ну, хорошо, хорошо, — торопливо сказал отец. — Я подумаю. Может быть. После зарплаты.

Он знал, что почти половина мальчиков хочет стать моряками дальнего плавания, и никто из них не собирается быть зубным врачом, бухгалтером или управдомом.

Но отец не знал о другом. О том, что его мальчик по темному силуэту на светлой воде уже легко отличал сухогрузное судно от рефрижератора, что купленные для школы тетради он изрисовал схемами барков и фрегатов и на каждом из рисунков мог с точностью показать, где какой стоит парус, и сказать, как он называется. Он никогда не спутал бы адмиралтейский якорь с якорем Холла. В углу за диваном он хранил звено якорной цепи, которое подобрал на пирсе и очистил от ржавчины. Это было могучее железное кольцо весом в добрый десяток килограммов. В кольце была перемычка. Они делаются для того, чтобы цепь не перекручивалась и не запутывалась.

Многие мальчики мечтают о капитанских мостиках и дальних морских походах. Но многие ли смогут ответить, как называется перемычка в звене якорной цепи? Между прочим, называется она "контрфорс".

Мальчик полюбил продутый морскими ветрами город. А

в городе больше всех мест ему нравилась Старая гавань. Южная улица, где жил Мальчик, выходила прямо к гавани, и от калитки до берега добежать можно было за четыре минуты.

Обычно гавань пустовала. Лишь иногда здесь отстаивались перед ремонтом рыбацкие сейнера, которые вернулись из бурной Атлантики.

Они отдыхали, прижавшись обшарпанными бортами к деревянным сваям причала. Причал зарос тонкой травой и мелкими ромашками.

В гавани росли кувшинки. Их цветы были похожи на солнечные шарики, рассыпанные по темной воде, а стебли уходили в зеленоватую глубину. На листьях кувшинок иногда сидели любопытные лягушки и разглядывали берег.

Большая дамба отделяла гавань от широкой реки. Она была похожа на длинную букву Г. Коротким концом дамба примыкала к берегу.

Построили ее в очень давние годы. Сначала в дно реки вбили деревянные сваи – плотно друг к другу, в два ряда, потом навалили между этими рядами булыжники и насыпали щебень – вровень с верхними срезами свай. И получилась могучая подводная стена. Только самая кромка ее поднималась над водой. Это была защита от волн. Правда, волны часто перекатывались через дамбу, но тратили на это много сил и в гавани сразу успокаивались.

Сваи потемнели от воды, позеленели и набухли. Сердцевина у многих прогнила, и кое-где на срезах, как в цветоч-

ных горшках, вырастали кустики травы. К августу они становились густыми и высокими.

Начало августа было солнечным и теплым. Здешний край, известный туманами и пасмурным небом, словно хотел показать Мальчику, что умеет быть ласковым к тем, кто его любит.

Каждый день Мальчик приходил на дамбу. Он садился на краешек, ставил рядом с собой сандалии и свешивал в воду ноги.

Вода была бархатистая и теплая. Просвеченная зеленоватыми лучами. Коричневые мальчишечьи ноги становились в ней какими-то бледными и ненастоящими, словно их хозяин всю жизнь проходил в длинных штанах и не знал, что такое загар. На незаметных волосинках рассаживались крошечные пузырьки. Мальчику начинало казаться, что он постепенно вырастает в речной мир и превращается в подводного жителя. Чтобы не превратиться совсем, он бултыхал ногами, и любопытные мальки, собравшиеся поглазеть на мальчишку, перепуганно разлетались кто куда.

Потом эти мальки осторожно собирались опять. Они были чуткие и верткие, словно стрелки компаса.

Из больших рыб Мальчик видел только одного и того же окуня. Окунь был толстый, полосатый и неприятный. Он всегда сидел в кусте водорослей, шевелил плавниками и будто прислушивался. Мальчику он казался похожим на бывшего

соседа – ребячьего врага и склочника. (Это было в том городе, где Мальчик жил раньше. Все ребята звали того соседа Перехватчиком.)

Рассердившись на окуня, Мальчик запрокидывал голову и смотрел на чаек. Среди них были знакомые. Иногда на бреющем полете они проносились над Мальчиком – наверно, здоровались. Но вообще-то им было некогда. Чайки деловито и суетливо добывали корм. Они охотились за рыбами-простофилями, подбирали хлебные корки, выброшенные с проходившего буксира. А еще они провожали в залив уходящие корабли. Это была их постоянная работа.

Мальчик тоже провожал корабли – сухогрузы, плывущие в Африку и на Кубу, сверкающие лайнеры с веселыми туристами и отважные траулеры, уходящие на полгода в открытый океан. Он шепотом говорил им "до свиданья". И, хотите верьте, хотите нет, многие корабли откликались ему коротким гудком.

Конечно, Мальчик завидовал тем, кто уходил в море. Но не очень. Он знал, что время его придет. А пока здесь, на дамбе, он впитывал в себя морской ветер и слушал музыку корабельных будней: грохот якорных цепей, разносящиеся из мегафонов команды, строгие голоса диспетчеров, озорную переключку рыбацких экипажей и сирены катеров.

Всей душой он жил здесь, у слияния реки и моря, среди чаек и кораблей. И ничто не могло уже вырвать его из этой жизни...

Иногда Мальчик сидел на дамбе до самого вечера. Розовое солнце скатывалось за башни. Над мачтами, среди светлых тучек, разгоралась не спеша яркая капелька-звезда. В кувшинках начинали голосить лягушки. Чайки уже не суетились над водой, а летали плавно и широко: сразу было понятно, что теперь у них не работа, а гулянье.

Реже звучали металлические команды диспетчеров. На сейнерах начинали звенеть гитары.

Мальчик знал, что скоро идти домой, и оставшиеся минуты были для него особенно хороши...

Потом он шагал к дому по улице, плотно заросшей тополями. Здесь уже висели сумерки, хотя небо оставалось светлыми. Встречные мальчишки-велосипедисты включали фонарики, и похоже было, что среди деревьев носятся большие жуки-светляки.

Дома ему попадало от матери. Она говорила слова, которые говорят в таких случаях все мамы:

– Где ты пропадал целый день? Ты меня сведешь в могилу!

– На реке, – отвечал Мальчик.

– С ума можно сойти! А если ты утонешь?

– Зачем? – удивлялся Мальчик.

– Что за глупый вопрос! Люди тонут ни за чем.

– Я не утону, – успокаивал Мальчик. – Я же хорошо плаваю. Да я и не купаюсь почти. Просто сижу и смотрю.

– Что там смотреть целый день? Лучше бы уж ты, как все мальчишки, играл в футбол, обдирал колени, лазил по деревьям и получал синяки... Я хотя бы знала тогда, что ты не один. А ты живешь без товарищей.

Тогда папа брал ее за плечи и негромко уговаривал:

– Ну перестань. Придет время – будут товарищи. Их же не получают по рецепту, как в аптеке. Пусть он живет как хочет.

– Но у него совершенно нет друзей! – сокрушалась мама. Однако она ошибалась.

Удивительный Чип

Один раз вечером, когда Мальчик сидел на дамбе, что-то мокрое и живое шлепнулось ему на колено. Конечно, Мальчик вздрогнул. Он даже качнулся назад от испуга. Но бояться-то было нечего.

На колене у него сидел зеленый лягушонок. Сидел и улыбался большим веселым ртом.

– Ха-ха! – отчетливо сказал лягушонок. – Ты испугался? Ты пер-ре-пугался!

Не будем говорить, что Мальчик удивился. И не будем удивляться сами. Ведь история эта почти сказочная, хотя в общем-то совершенно правдивая. Разумеется, Мальчик вначале изумленно заморгал и даже шепотом сказал: "Вот так штука", но тут же его встревожила другая мысль: как бы этот незванный гость вправду не подумал, что он боится.

– Чего это я буду перепугиваться, – возразил Мальчик и пожал плечами. – Ты же не тигр, и не змея, и не... ихтиозавр какой-нибудь.

– Конечно! – весело согласился лягушонок. – Не тигр. – И добавил с чуть заметной грустинкой: – Я просто маленькая лягушка... Между прочим, меня зовут Чип.

Он оказался размером с наперсток (если не считать длинных задних лапок), с желтовато-серым брюшком и зеленой, как свежий тополиный листок, спинкой. Выпуклые глазки

блестели, словно черные стеклянные крошечки. А широкий рот был озорным, как у первоклассника, который готов смеяться даже на уроке арифметики.

– Откуда ты взялся? – спросил Мальчик. – Шлепнулся прямо как с неба. Я даже не ожидал.

Чип вытянул к воде крошечную переднюю лапку.

– Вон оттуда. Там у меня ква-рр-тира.

Голосок у него был тонкий, и слова он произносил старательно, как малыш, который недавно научился говорить букву "р". И не было в его речи лягушачьего кваканья. Лишь в слове "квартира" Чип едва заметно приквакнул, но это ведь вполне простительно.

– Я тебе не мешаю? – вдруг забеспокоился Чип и шевельнулся на колене у Мальчика. – Я немножко мок-кр-рый.

– Сиди, сиди, – торопливо сказал Мальчик. – Я же не сахарный... А где ты научился так говорить?

– П-понемножку. Я вылезал на берег и смотрел, как играют мальчики. И слушал. Я часто на них смотр-рел, когда мне было гр-рустно...

– А почему тебе было грустно? – осторожно спросил Мальчик.

– Н-ну... Это бывает. Я тебе потом р-расскажу... Если мы по-др-ружимся, – сказал Чип. И добавил совсем тихо: – Если ты хочешь.

– Конечно, хочу! – сказал Мальчик.

И они правда подружились. Им было хорошо вдвоем.

Они вместе купались. Они скакали наперегонки по дамбе, и надо сказать, что Мальчик не всегда оказывался впереди. Он, когда прыгал, опасался свалиться в воду, а Чип ничего не боялся и летал как зеленая пуля.

Но особенно любили они разговаривать. Начиналось это так: Чип усаживался на колене у Мальчика и вежливо говорил:

– Можно я задам вопр-рос?

Он задавал разные "вопр-росы". И, приоткрыв широкий рот, слушал рассказы про города, про человечью жизнь, про хоккей, про марки, про кино "Неуловимые мстители" и сложную науку арифметику. Один раз он спросил:

– Ты очень удивился, что я говор-рящий?

– Да нет, не очень, – сказал Мальчик. – Бывают ведь гово-рящие птицы. Скворцы, галки, попугаи. Почему же лягушонок не может? Я удивился знаешь когда? Когда увидел, что ты умный. Попугай, например, может целую речь сказать, а все равно дурак. А ты прямо как человек.

– Пр-равда? – обрадовался Чип.

– Конечно... Наверно, в воде звери умней, чем на суше, получают. Я читал про дельфинов, которые даже с учеными разговаривают.

Чип осторожно спросила

– А про говорящих лягушек ты не читал?

– Ну, про лягушек только так... Про царевну-лягушку,

про всяких принцев, которые сперва лягушатами были...
Про лягушку-путешественницу.

Чип вздохнул, надув брюшко:

– Это мы пр-роходили... Принцы и царевны. Они потом пр-ревращались в человекoв. Это хорошо, но это сказки.

– Проходили? – удивился Мальчик. – У вас есть школа?

– А как же! Надо же учиться, как себя вести. Чтобы тебя не слопала щука или не унесла чайка. А еще есть класс хoровoгo пения, только я туда не хожу... Он помолчал и вдруг добавил:

– А лягушка-путешественница – дур-ра.

Мальчик не спорил. Ему почему-то стало жаль Чипа.

– Зачем она разор-ралась, когда утки несли ее по воздуху? – сердито спросил Чип. – Сама виновата, что свалилась в болото. Я бы ни за что не кр-рикнул, хоть и говорящий.

Чип еще помолчал и добавил голосом первоклассника, который долго плакал и наконец успокоился:

– Ведь она могла попасть в Южные моря...

Мальчик почувствовал, как часто бьется крошечное сердечко лягушонка.

– А тебе хочется в Южные моря? – не то спросил, не то просто сказал он Чипу.

Чип снова вздохнул:

– Там Аф-р-рика, – шепотом проговорил он. – Там пр-риключения. Кор-ралловые острова. И там тепло. Там не надо спать зимой. У нас все лягушки спят зимой, а я не люблю.

Мне даже во сне холодно, хотя я и пр-риспосабливаюсь.

– У тебя, Чип, слишком горячая, не лягушачья кровь, – задумчиво сказал Мальчик.

Считалка

Они сидели допоздна. Яркая звезда – та самая, что загоралась раньше других, – уже давно светила над мачтами.

Мальчик любил эту Звезду и знал ее певучее название. Он слышал где-то, что у каждого моряка должна быть своя звезда, и выбрал себе эту. Она была теплая и ясная, как маленькое солнышко. Оказалось, что Чип тоже любит ее.

– Когда я смотрю на эту звезду, я совсем забываю, что я лягушонок, – сказал однажды Чип. – Мне кажется, что ничего не надо бояться. Мне даже кажется, что я увижу Южные моря, если очень захочу... А потом, когда Звезды нет, я сразу вспоминаю, что я маленький смешной Чип, – закончил он и коротко вздохнул несколько раз подряд.

– Но ты совсем не смешной! – возразил Мальчик. – Ты красивый. Ловкий такой и быстрый. И ты смелый. Ну, маленький, конечно... А что здесь такого? Вот бегемот, например, большой, а какой от этого толк? Лежит в своем болоте или в реке и хрюкает, как свинья, от удовольствия. И ничего ему не хочется.

– А чего же ему хотеть? – удивился Чип. – Он и так живет в Африке, где пальмы, джунгли, львы и приключения.

– Ну какие там приключения у бегемота! Ему лишь бы брюхо набить. А пальмы для него – все равно, что для нас эти тополя на берегу.

- А ему... не хочется увидеть эти тополя? – недоверчиво спросил Чип. – Ведь нам-то очень надо увидеть пальмы.
- Нет. Ему только хочется быть сытым. Вот и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.